

РОДОМ ИЗ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

ДОЛГОЕ время поэзия Новеллы Матвеевой воспринималась как какое-то экзотическое растение на наших российских литературных просторах. И критики все никак не могли найти для нее места в своих уныло правительных, покрытых книжной пылью гербариях. Да и на самом деле непонятно было, каким ветром и откуда занесло в эту, говоря стихами самой поэтессы, «Гиперборею! Страну величественных вихрей!» — такие странные матвеевские «кораблики», «жемчужные раковины», «связки пера» всех ее «девушек из харчевни», шарманщиков, морских разбойников, «братьев капитанов», «бездомных домовых»... Чувство, связанное с песнями и многими стихами Новеллы Матвеевой, в свое время очень точно определил Николай Гумилев, кстати, весьма близкий ей по мировидению поэт: «Талант не всегда дар, часто и воспоминание. Неясное, смутное, нечеткое. За ним ошупью идешь в сумрак и туман к таящимся там прекрасным призракам когда-то пережитого...»

Подтверждением этой мысли стала недавно опубликованная автобиографическая книга Новеллы Матвеевой «Мяч, оставшийся в небе». Присутствует в этой прозе то поразительное оптическое чудо, когда сквозь доверчивость детского сердца, как сквозь вживленный магический кристалл, человек до последних сроков своих воспринимает происходящее в себе и в мире: «...иногда мне казалось, что старое оконное стекло, надтреснутое и не-

Матвеева
доставленное или кривое, может заключать в себе... случайные элементы телескопа. Бывает, мне думалось, такое течение волн и стекла, через которые звезды днем открывать можно!»

Вообще «Мяч, оставшийся в небе» дает немало ответов об истоках поэзии и характера Новеллы Матвеевой. Любители классификаций, распределения по теоретическим гербариям не найдут, разумеется, в ее прозе ключей и подсказок для своих схем. Но для умеющих слушать и слышать откроется (не — расшифруется!) та загадочная обособленность, несмешиваемость с общим хором судьбы и творчества поэтессы. То, о чем у нее говорится и в стихах:

«Но из плавания в просторах привезем с собой зато

Ту покинутость, которой не знавал еще никто».

«Шестидесятница» по временным меркам, Новелла Матвеева не «втиснулась» в свое поколение, идеология которого для нее была как в тех, «колыбельных» летах слишком «политически карикатурной», а сказать жестче, слишком конъюнктурно доходной, что для нее изначально было генетически чуждо.

Помнится, как встретилась ей зимним холодным днем на переделькинской дороге дышащая жаром и паром из-под дорогой заграничной дубленки жена и муза одного из поэтических кумиров и «обличителей системы» и с весе-

газета. — 1999. — 8 окт. — с. 7

лым и сытым удовольствием «полюбопытствовала»: «Не жарко ли вам, Новелла Николаевна, в такую погоду гулять в плаще?». Так, кстати, в здоровом ржанье, и зарождалось в будущих «новых русских» «милосердие и сострадание» к нынешним «униженным и оскорбленным», и зарождалось, как видим, на почве хорошо оплачиваемой «опальности». «Муза» заодно могла бы поинтересоваться, почему в таком же, осеннем, продуваемом всеми ветрами плаще шел одною с Матвеевой дорогой и ее муж, необыкновенно талантливый поэт и самобытнейший человек Иван Киуру. А 60-е и 70-е годы, надо напомнить, были для Новеллы Николаевны и Ивана Семеновича просто катастрофически бедными годами, когда заработок зависел от крайне редких публикаций и случайных заказов на поэтические переводы. Но какая разительная непохожесть в общении с миром, которое из-за вынужденного или добровольного одиночества чаще всего сводилось к общению с природой, органической частью которой всегда чувствовали себя Новелла Матвеева и Иван Киуру. Не раз приходилось мне наблюдать, как они во время прогулки приостанавливались внезапно на дороге, уступая путь бегущему муравью или неторопливому жуку. «Пусть парень пройдет», — говорили они едва ли не в один голос...

Но, не «втисавшись» в потоле-

ние, Новелла Матвеева и в своем времени оказалась непонятой, (впрочем, как всякий большой поэт), не своевременной и, по крупному счету не востребованной.

Со временем все очевидней, что поэтические корни Новеллы Матвеевой берут начало не в советской литературе в отличие от поколения «шестидесятников». Она — родом из Серебряного века, столь чутко отзывчивого на мировую культуру, на европейскую поэзию. И всех ближе к ней стоит, кажется, Николай Гумилев с его «Жемчугами» и «Колчанами», с его жадной странствий и открытия мира. Даже его акмеистическая воля к совершенной поэтической технике так легко и грациозно воплотилась в творчестве Матвеевой. Нередко ей даже ставилось в вину якобы чрезмерное внимание к форме, внешнему блеску стиха...

У Матвеевой есть в ее прозе странно обретенное выражение «не участвовать в кораблекрушении» — то есть то, чего она не признает, не понимает. Правда, со временем ощущение «кораблекрушения» менялось. Что ни говори, а расстояние между корабликом, который шел «по летним морям» и «корчил рожи последним парям», и сегодняшним морем в ее стихах — в целую бездну:

*«Какое странное море! —
Ни белое, ни голубое...*

*Такое впечатленье,
Что сдан Севастополь без боя.*

*Неужто лихо деи
От праведной кары закляты?*

*Такое впечатленье,
Что крепости — подлостью взяты».*

Никогда еще Новелла Матвеева не говорила таким открытым и трагическим языком. Отброшено ее любимое оружие — ирония и сарказм, которыми она владеет отменно. Сняты и убраны поэтические украшения. Отставлено до поры блещущее игрой интеллекта остроумие. Здесь, как в античной трагедии или в народном плаче, — ничего лишнего, одно сердце, одна сила духа и воля ничего не забыть, ничего не простить...

Новелле Матвеевой исполнилось 65 лет... Люди пробегают по жизни, редко заглядывая даже в самих себя, не подозревая, какие запасы мыслей и чувств в них таятся, не узнав, кто же они такие на самом деле, и умирают в полном неведении о себе. И только поэт — это тот человек, который до конца *прочитывает* самого себя, исчерпывает себя до дна, не устывая в труде самопознания. В сущности, в этом странствии самопознания и находится всю жизнь Новелла Матвеева. Судя по ее последним стихам, она сейчас в лучшей своей форме и знает, куда держит путь. Ведь как сказано у нее в знаменитой песне:

*«Но если мы от цели отступали, —
Мы не были нигде и никогда».*